

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ БУЛГАКОВА

А народ, между тем, все прибывал и скапливался у дома № 10 по Большой Садовой, постепенно разрастаясь в толпу, возбуждающую себя возгласами: "Ну когда же, когда?". Задние вставали на цыпочки и напирали, передние наползали на заграждения. Вот уже и румяные милиционеры в белоснежных гимнастерках цепью построились, и конные по удивленному асфальту процокали. И... наконец-то к микрофону подошел человек официального вида и поведал присутствующим о том, каким замечательным писателем был Михаил Афанасьевич Булгаков, и как любят и чтут его произведения не только в нашей стране, но и в остальном цивилизованном мире.

Затем дернули за ленточку, грациозно сползло покрывало, и спустя 50 лет после смерти писателя взором москвичей открылись мемориальная доска и скульптурная композиция по мотивам произведений Булгакова, выполненные Александром Рукавишниковым. Нако-

нец-то городские власти прочли, осмыслили и оценили Михаила Афанасьевича, что выразилось в санкции на увековечивание.

Открытие знаков элементарной почительности разлилось в толпе некоей благодатью. И даже Воланд с приспешниками снисходительно не замечали общие места речи, не хулиганили с микрофоном. Коровьев не подскакивал к докладчику с развязным "Начальник, табачку не найдется?" или "Так, стало быть, Сталина так-таки и нету?".

А затем: впереди канонический трамвай, набитый детворой, с рекламой подсолнечного масла в небоюющей упаковке, а за ним пожарная машина начала века, облепленная детворой, а чуть сзади конная милиция, а потом открытый авто с наяривающим джаз-бэндом, участники которого, судя по всему, встретили НЭП в зрелом возрасте, а за ними конный экипаж, кучер коего был важен и в цилиндре, а дама излучала ныне позанечную грациозность, а сзади еще один авто, перемещающийся чаплиновской походкой — и все это, гудя клаксонами, цокая копытами и громяя барабанами, неспешно двинулось по Садовой, свернуло на Малую Бронную и устремилось к Патриаршим прудам...

Таково было начало Второго Булгаковского праздника, прошедшего в Москве 23 сентября. Праздник этот необычен и своеобразен в ряду повсеместно отмечаемых писательских юбилеев. Его необычность, конечно же, предопределена незаурядностью личности и судьбы Михаила Афанасьевича, пробывавшегося к читателю не благодаря, а вопреки бесчисленным постановлениям о стимулировании в стране литературного процесса. Но не только лишь тяготы судьбы, и далеко не они, определяют воистину народное признание писателя. Булгаков, опираясь на абсолютно конкретные черты своей эпохи, совершенно

парадоксальным образом сумел создать произведения с таким огромным временным запасом, что, трудно сказать, сколько еще десятиков десятилетий они будут восприниматься как прекрасная проза современника.

Кроме этого Булгаков, будучи интеллигентом до мозга костей и, да не убоимся мы этого слова, эстетом, ни на йоту не заигрывая и не потакавая "самым широким слоям населения", каким-то чудесным образом предстал демократичным и доступным для всех писателем. Поэтому-то идея этого праздника долго вызревала в недрах почитателей, устраивавших паломничества в подъезд булгаковского дома, оплачивавшихся в булгаковские кружки, а не была "спущена в массы" сановными "коллегам" Михаила Афанасьевича.

Идею праздника, предложенную молодежи из клуба "Москва" при Некрасовской библиотеке, поддержал социально-культурный комплекс "Народный Дом", который и воплотил в жизнь этот прекрасный замысел, предварительно трансформированный в сценарий Львом Новоженевым. А постановщиком и главным режиссером Второго Булгаковского (как, впрочем, и Первого) стал Лев Лейбо, один из главных инициаторов и "пробивателей" праздника. Но чего стоят в наш суровый век голые идеи? Поэтому праздник навряд ли бы состоялся, если бы не помощь щедрых спонсоров: культурного центра "Арт-Модерн" и коммерческого бюро "Мосинрасчет".

...И вот уже процессия приближается к тому достопамятному месту, где на фоне одуряющей жары двое активных атеистов-литераторов, одурманенных абрикосовой, отказывают дьяволу в праве на существование. Из морозящей субстанции материализуется духовой оркестр бравых пожарных, играющих бравурно и громко, а, следовательно, в кайф. Публика, которой к этому моменту стало совсем много, ведет себя до крайности интеллигентно, а именно, — не перелезает через парковый забор, а организовано ждет у входа разрезания ленточки. И это убеждает в том, что каждым из присутствующих "Мастер и Маргарита" прочтен, сцены коллективного безумства на вечере в Варьете прочувствованы и учтены. Вскоре появляется барственный Бегемот с примусом в лапах и торжественно пережигает ленточку. Музей коммунальной квартиры открыт! Народ умиротворенно устремляется на аллею.

Но бешеное наше время неотступно преследует публику. Она, совсем еще недавно в достаточной мере уже выпустившая пар на манифестации под девизом: "Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй", оказывается вновь вовлеченной в митинг. на сей раз — это митинг памяти поэта Ивана Бездомного, организованной актерами театра-студии "А-Я" у мемориальной скамьи, которая стала последней в жизни Бериоза.

Я думаю, мало кто сомневается в язвительных способностях молодежи, особенно молодежи театральной. Но чтобы до такой степени! Надергали из современников Ивана Николаевича такой ахинеи, перетасовали ее с поэмой В.Коркия и прочли этот винегрет с таким зубодробительным пафосом, что трамвай, отрезавший голову Михаилу Александровичу, можно с большим основанием назвать более гуманным, нежели подобное пародирование. А под конец митинга подлили масла в огонь и поэты московского клуба "Поэзия" В.Строчкин, П.Митюшев, А.Левин и набежавший автор этих строк...

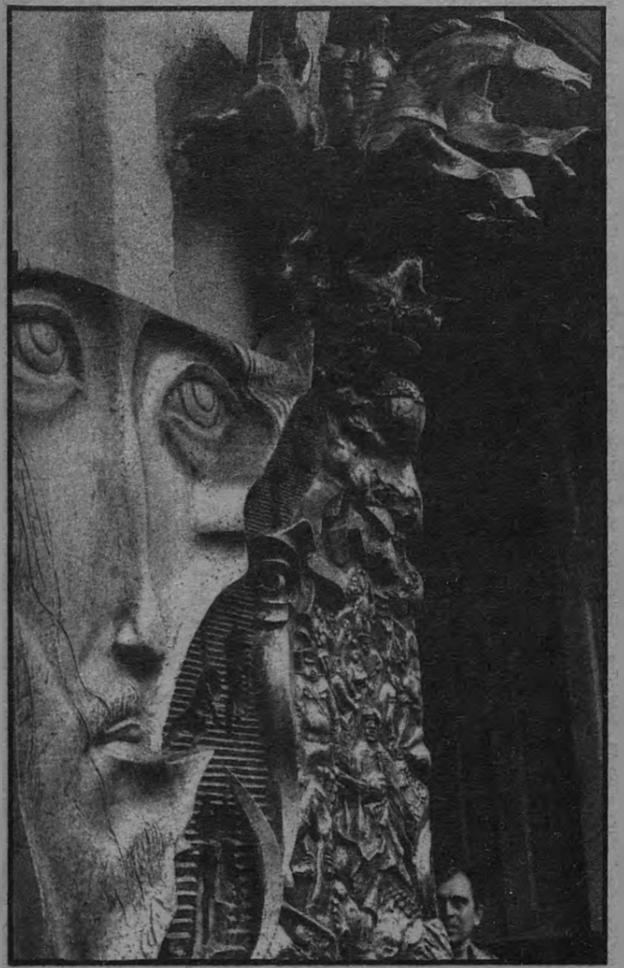
Так за что же все-таки столь любим народом Михаил Булгаков? Чем же он так привлекает человеческие души? Особенно юные, казалось бы, разувверившиеся во всем и разочарованные так, что куда там Евгению Онегину. Отчего возникло фантастическое словосочетание — булгаковские фаны? Ведь не только же из-за трудной судьбы писателя (есть судьбы значительно более трудные) и неуязвимости его главного романа.

Очевидно, что человечеству известно не так уж много людей, масштаб творений которых значительно превосходит масштабы их человеческих личностей. То есть, при всем нашем пристальном интересе к их судьбам, жизненные биографии таких творцов, тем не менее, несущественны на фоне их деяний. Таковы, к примеру, евангелисты, Гомер, Кант, Джойс, Фрейд, Достоевский, Борхес... так вот Булгаков из их числа! Я это говорю будучи в трезвом уме и готов держать ответ за сказанное перед любым оппонентом.

Но это еще не все. Такого рода творцы различаются не только масштабами своих творений, но и соотношением в этих творениях "плоти" и "духа" или "земного" и "божественного". Очевидно, что Гомер твердо стоит на земле, а евангелисты ни на мгновение не выпускают из виду отца небесного. И в "Мастере и Маргарите" духовно-божественное доминирует над земными реалиями. Но это меньше всего вызвано присутствием в романе вариаций на евангелические темы. Взять, к примеру, советника президента, человека далеко не бесталанного, писавшего свою "Плаху", явно заглядывая через плечо Михаила Афанасьевича. Но получилось-то как раз все наоборот! Получились мучительные большевистские поиски рая небесного на земле.

А булгаковские герои, пройдя круги земного ада, испив сполна чашу радости и страданий, более уже ничем не связаны с этой жизнью. Они воспринимают акт душевного освобождения как награду... Это ли не современное Евангелие, книга всех ограбленных еще до рождения.

...А вот уже и честная компания под предводительством мессиира начинает пускаться в ход свои приколы и понты. Затеваются мероприятия по изъятию у населения трудовых доходов, именуемое аукционом.

В ЭТОМ ДОМЕ
С 1921 ПО 1924 ГОД
ЖИЛ И РАБОТАЛ ПИСАТЕЛЬ
МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ
БУЛГАКОВ
ЗДЕСЬ РАЗВИВАЛОСЬ ДЕЙСТВИЕ
РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»

ОКОНЧАНИЕ НА 16 СТР.

